6. *Беляева, Е.И.* Принцип вежливости в вопросительных речевых актах / Е.И. Беляева // Иностранные языки в школе. – 1990. – № 1. – С. 43 – 47.

7. *Верещагин, Е.М.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 2001.

8. *Кон, И.С.* Социология личности / И.С. Кон. – М., 1967.

9. *Мейе, А.* Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе. – М., 2010. [б.и.] – С. 8.

10. *Найда, Е.А.* Анализ значения и составления словарей / Е. А. Найда // Новое в лингвистике. Вып. 2: Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика. – М., 1962. – С. 47.

11. *Пименов, А.В.* Социальный символизм во французской речи / А. В. Пименов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

12. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993.

13. Словарь русского речевого этикета / сост. А.Г. Балакай. – М., 2001.

14. *Тарасов, Е.Ф.* Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

15. *Трубецкой, Н.С.* Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М., [б.и.], 2010.

16. *Хауген, Э.* Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. – М., 1972. – С. 64.

17. *Brown, P.* Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge, 1987.

18. *Hall, E.T.* The Hidden Dimension / E.T. Hall. – New York, 1969. – P. 116 – 125.

УДК 821.161.1

В.Н. Бараков

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ПОЭЗИЯ

В данной статье православная лирика рассматривается не просто как возрождающаяся традиция духовной поэзии, а как оригинальный литературный феномен, как новаторское явление литературного процесса рубежа XX – XXI вв.

Современная православная поэзия, современная духовная поэзия, Нина Карташева, Иеромонах Роман.

The article deals with the Russian Orthodox poetry which is considered not only the reviving tradition of spiritual poetry but the original literary phenomenon in the literary process at the turn of 21st century.

Modern Orthodox poetry, modern spiritual poetry, Nina Kartasheva, hieromonk Roman.

Народ вернулся к православной вере. И поэты здесь не стали исключением. Возродилась и духовная поэзия. Дело только не в ее названии, подлинная духовная (как и всякая другая) поэзия измеряется не количеством упоминаний Всевышнего и частотой цитирования Священного Писания, а глубиной таланта и более ничем…

Православная лирика рассматривается отечественным литературоведением не просто как возрождающаяся традиция духовной поэзии, а как оригинальный литературный феномен, как новаторское явление литературного процесса рубежа XX – XXI вв.

Истинная поэзия всегда духовна. Но в последнее время этот термин все чаще употребляется применительно к стихотворениям с религиозной тематикой, трактуя ее не в меру широко.

Русские духовные стихи получили наибольшее распространение в XV – XVI вв. Они имели «религиозное содержание, заимствованное из Библии, Житий святых и других церковных источников, с примесью разных посторонних элементов» [3, с. 306]. Наиболее популярными были стихотворения о Страстях Господних и страданиях Лазаря, о Богоматери, о приближении антихристова века и Страшного Суда. Их пели бродячие калеки или «калики перехожие».

Современному же оседлому, обладающему отменным здоровьем стихотворцу достаточно только несколько раз упомянуть Имя Божие, как его тут же зачисляют в легион пишущих на «религиозную тему». Сейчас, кажется уже все поэты «дружно взывают к Господу, благо снят такой долгий запрет» [15]. Справедливости ради надо сказать, что русские поэты и в советское время обращались к Библии (А. Тарковский, И. Бродский, Д. Самойлов, О. Чухонцев, В. Соколов, Н. Тряпкин, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов).

Современную духовную поэзию можно разделить на три группы. **Первая**, самая многочисленная и словоохотливая, отличается необыкновенной оперативностью, быстротой мышления и инициативностью…

Раньше они воспевали КАМАЗ,
Лихо строчили про БАМ.
Ныне советский поэт-богомаз
Бодро вторгается в храм.
(Сергей Воробьев) [4]

Духовная поэзия – необычайно сложная и деликатная область русской литературы. Вступающему в нее необходимо преодолеть три основных препятствия:

1) филологическое (проблема соединения церковного и литературного языка, особенно в семантическом отношении);

2) религиозное (проблема обновленчества);

3) личностное (проблема духовного роста, степени постижения Бога).

«Вот почему, – пишет А. Архангельский, – профессионалы отступают перед величием и непосильностью задачи… А дилетанты ничего не страшатся – ибо они не чувствуют, не слышат страшного безмолвия своих слов» [2, с. 242].

Анатолий Пикач заметил, что для целой ветви поэзии «характерны на сегодня… слияние политического и религиозного пафоса» [16, с.19]. Многие лирики просто не понимают сущности религии, они считают ее разновидность идеологии: «Спаси, Христос! Кругом одна измена…» (В. Костров). А ведь Иисус Христос был послан не для того, чтобы развязывать чьи-либо политические или идеологические узлы, а спасать весь род человеческий.

Есть, к счастью, у нас лирики, умеющие говорить о высоком без наивного восторга и без досадной для читателя напыщенности. Они составляют **вторую** группу поэтов (это покойный Юрий Кузнецов, о творчестве которого нужно говорить отдельно, Нина Карташева, Николай Рачков, Инна Лиснянская, Новелла Матвеева, Глеб Горбовский, Денис Коротаев, Владимир Скиф, Татьяна Смертина, Юрий Лощиц, Мария Аввакумова, Олеся Николаева, Светлана Кекова, Надежда Веселовская и др.) Литературовед Наталья Гордиенко считает, что их лирика относится к творчеству *православно-созерцательного типа*, которое «создается приверженцами православной традиции, но не ревнителями, а участливыми наблюдателями и созерцателями ее; их жизнь протекает не *внутри* церковной традиции, а *вне* ее, хотя и в согласии с основными духовными импульсами, порождаемыми ею. Данный вариант духовной лирики сопровождается сложной мировоззренческой эволюцией, мотивами исканий и сомнений, борьбы веры и неверия при безусловной устремленности к высшему началу, тяготеет к индивидуально-авторскому преломлению духовной традиции, а не к всецелому, канонически строгому, всепроникающему погружению в нее как в единственно возможный способ духовно-телесного существования» [6, с. 2].

Таков, например, Николай Рачков, обладающий чистым и умиротворенным голосом:

В надзвездном царственном эфире,
Где дух на троне, а не плоть,
Один, один безгрешный в мире
Всемилостивый наш Господь.

В руках, как дивное сказанье,
Наполненная по края,
Сияет чаша со слезами,
И это Родина моя. [18]

Новелла Матвеева более эмоциональна, она живо откликается на события и факты, которые имеют внутренний, сакральный смысл. Когда Анатолий Чубайс, один из вождей и идеологов наших либералов, заявил о своей ненависти к Ф.М. Достоевскому, тут же появилось и стихотворение поэтессы:

Ганечка Иволгин грянулся в обморок, но –
В пламя камина за кипой деньжищ не полез.
Гордый. А эти полезли бы. Им все равно.
Помнишь, в начале тупых девяностых годов
Эти – полезли. А кто и сегодня готов…
Странная "гордость" однако у этих скотов!
И к Достоевскому – странный у них интерес…
(«Новые типы») [12]

Матвеева понимает: зло сидит не только в собственной личности, оно вообще персонифицировано, и борьбу с ним вести необходимо как внутреннюю, так и внешнюю:

Все грешны. Всех уравнять бы,
Кажись, по общему сходству?
Но кто-то грех ненавидит,
А кто-то – рад греховодству. [12]

Самая заметная поэтесса, сражающаяся и сегодня на «внешних рубежах», – Нина Карташева. Печататься она стала в 1990 году, первая публикация была в девятом номере журнала «Наш современник». «Это еще были такие времена, – рассказывает Карташева, – когда слово «Бог» писали с маленькой буквы, а слово «Воскресение» было известно только, как день недели.

Потом был разрушен коммунистический режим. Все смешалось, и в этом смешении могли разобраться только посвященные. А бывшие советские атеистически воспитанные люди поверили во все: и в экстрасенса Кашпировского, и в НЛО... И вот тогда я, опять же почти помимо моей воли, решила, то есть не решила, а Бог привел, нести мое простое православное слово людям, и я вышла на это служение. И жить мне стало гораздо труднее и страшнее. Но я благодарна Богу, если хоть один человек, читая мои стихи, открыл для себя мир Божьего чуда, молитвы и радости православной веры.

В России ныне царствует власть денег, деньги в чужих руках. Русские вновь унижены и обобраны, русских все меньше, в России поселяются кавказцы, среднеазиаты, неудивительно, что их становится больше и больше, для них другие условия. И они сплочены, помогают своим. Русские должны также помогать своим, где бы они ни были, мы кровные сродники» [5].

Помогите тому, кто слабее.
Русский русского да не покинет,
И в беде своего пожалеет,
Не забудет и не отринет. [9] [1]

«*– Нина, как Вы, будучи православной христианкой, относитесь к Вашему поэтическому дару?*

– На этот вопрос ответить и просто, и сложно. Понять меня сможет только верующий человек. Талант у всех от Бога. Но этим талантом во чтобы то ни стало старается завладеть противобог, за талантливым человеком ходит не один бес, а семеро, бороться с ними очень тяжело, если нет помощи Бога и Его светлых ангелов. А к Богу обращаться не все талан-

[1] Здесь и далее цитируется этот источник – В.Б.

ты хотят. Поэтому в XX веке и ныне так мало духовных поэтов и писателей, стихотворцев я не считаю, даже если они и пишут православно, но бездарно. Бог одаряет одного из тысячи. Конечно, сатана тут же платит гонорар долларами и рублями, если поэты служат ему, воспевая измену, жестокость и прочие прелести. Бог же с платой хоть и медлит, но уж Его награда не сравнится с долларами, ибо это красота и жизнь, свет и любовь. Только в них судьба России. Тогда и хлеб насущный приложится.

Время сейчас гораздо страшнее и коварнее советского. Сказано: не бойтесь убивающих тело, бойтесь убивающих душу. С телом уже расправились, теперь враги рода человеческого покусились на душу.

– *Что Вы думаете о положении православной веры и Церкви в современной России?*

– К Церкви сейчас у власть и деньги имущих отношение лояльное, но им нужна церковь смирившихся перед ними. Из рабов Божиих сделать рабов себе, используя наши самые прекрасные христианские качества: смирение, терпение. Поэтому в народе появилось непротивление злу, теплохладность. Уже нет того горячего подъема, который был в 1990 – 1995 гг. Для Церкви лучше гонители, чем растлители» [5].

Теперь не жди свободы в слове,
Статья за то, что мы без прав.
Законы стряпчие готовят,
Законы Божии поправ.
Неужто я была в гордыне,
Когда воспела русский стан?
Кругом и трусость, и обман.
Вождя не вижу в русском стане,
Терпенье и бесплатный труд.
С двойным гражданством россияне
За экстремизм меня сметут.
Но все же я смиренным слогом
Напомню русским об одном:
Смиряться надо перед Богом,
Но не смиряться перед злом. [9]

Бороться со злом – вот нравственное кредо Нины Карташевой: «Даже наши лучшие православные христианские качества враги Божии и враги России стараются приспособить к себе. Нас, рабов Божиих, они хотят превратить в рабов для себя: “Смиряйтесь, терпите!”. Но, дорогие мои, смиряться мы должны перед Богом; перед врагами смиряться – сугубый грех. Любить их можно, но смиряться, позволять им делать бесчинства – это грех. Наступили те времена, когда компромиссы уже неприемлемы, уже нельзя ладить. Середины между злом и добром не может быть» [5].

«Что касается гражданской пассивности православных и приведенных слов из Писания, скажу следующее, – говорит епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим (Волочков). – Здесь мы имеем дело с не совсем точным переводом, что «всякая власть от Бога». На это обратил внимание в свое время еще митрополит Петербургский Питирим, один из авторитетнейших иерархов Церкви, говоря, что слова следовало перевести как «всякая власть должна быть от Бога» – и тут же от себя добавлял: «ну не от народа же ей быть». Если же мы возьмем синодальное издание Евангелия на церковнославянском языке, то увидим следующие слова: «Несть бо власть, аще не от Бога» – то есть: не является властью, если не от Бога.

В духовном смысле так и есть. Апостол Павел говорит, что «сущие же власти от Бога учинены суть». Что это значит? Это значит, что не признается властью власть, если она не от Бога, поскольку подлинные власти Богом учреждены! Слово же «сущий» означает в данном контексте «подлинный», «истинный», «настоящий» (вспомните выражение «сущая правда»), а вовсе не «существующий» или «всякий» как значится в современном переводе Священного Писания. Мы как православные христиане обязаны де-факто полностью признавать эту «демократическую» власть, попущенную Богом для нашего исправления, подчиняться ее законам, даже сотрудничать с ней во благо Церкви и Отечества. Но мы, русские, свободны от духовного послушания этой власти» [17, с. 14].

Свои программные идеи Нина Карташева высказывает как всегда откровенно: «Приход к власти национального русского лидера возможен только в случае перелома в самой власти. А народ устал. России нужен, пожалуй, пиночетовский вариант, все другие, более мягкие варианты, невозможны, потому что упущено время. Только здоровый русский национализм спасет Родину. Национальный Вождь и его правительство; потом, возможно, – теократическое, православное правление для укрепления духа нации; и только потом, если Бог даст, – самодержавный, а не кукольный Царь. Пока у нас ни Государя, ни государства. Ни самодержавия, ни православия? А Народность? Наш Народ уже добивают. Разброд и шатания по партиям и блокам. Только национальная идея нас спасет. Русского национализма не надо бояться, будет хорошо русским – будет хорошо всем народам России. Добьют русских – свалят древо, с которого сами кормятся» [7]. Эти мысли перекликаются с программными заявлениями Валентина Распутина: «Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой «культуры», создать порядок, который бы ш е л по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его» [27].

В отличие от «среднерусской» светской лирики (на самом деле атеистов среди подлинных русских патриотов очень мало) Нина Карташева призывает к действию, к сопротивлению:

В беспамятстве время от крови и слез,
Бесчинствуют новые тати...
Великомученик-великоросс
И всякий народ! Вставайте.

Поэтесса не видит в наших лидерах православных, она знает, что судить надо не по словам, а по делам:

Не верьте этим господам,
Хоть крест они теперь целуют,
И строят храм, но стыд и срам,
Рубли сиротские воруют.

А Бог не жертвы просит, нет!
Он милости от сердца хочет,
Не толковать Его Завет,
А исполнять. И не порочить.

А эти господа всегда,
Еще товарищами были,
Героев славили труда,
Но сами по труду не жили.

Исчезнут снова, яко дым.
Ложь не исправить новой ложью.
Не приспособить Церковь к ним,
Она еще покуда Божья.

Не случайно в ее поэзии говорится о народном ополчении:

Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу.
Да только жить спокойно не дают,
Конец готовят Русскому Народу.
Но за уют я не пойду в полон,
Напрасно ворон надо мною кружит.
Как испокон я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружье.

Земная брань – отражение битвы небесной. Кондопога, Манежка, Сагра – ее зримые вехи. Нина Карташева предчувствует победу, в грохоте «окаянных дней» она слышит горний голос:

Там у Бога обителей много,
Здесь в России нет места для нас,
Гонят Русских с родного порога,
Спущен с гор иудеем "кавказ".

Богородица очи открыла:
«У Христа вы остались одни.
Только русская вера и сила
Победит окаянные дни».

В **третью** группу духовной поэзии входят православные поэты, искренне и глубоко верующие и понимающие, что «духовный стих по своему религиозному содержанию стоит вне текущих мелочей действительности» [3, с. 306]. Творчество этих авторов, «живущих *внутри* духовной традиции, иначе можно назвать *православно-воцерковленной поэзией*. Доминантой их мировоззрения является не просто религиозное, но *церковное сознание*, воссоздание самой реальности Церкви как высшей ценности бытия. Характерные особенности православно-воцерковленного типа поэзии – внутренняя причастность к литургической традиции, духовной практике молитвы, опыту отцов Церкви, использование иконического пространства и литургического времени» [6].

Это иеромонах Роман (Матюшин), А. Васильев, М. Дьяконова, священник Дмитрий Дудко, священник Андрей Кононов, священник Андрей Логвинов, диакон Владимир Нежданов и др. Веру они ставят выше искусства:

Когда этот воздух заполнится серой
И страшною правдой заменится ложь,
Безверие наше закончится верой,
Искусством, художник, тогда не тревожь.

Пространство и время свернутся, как свиток,
В котором искусство – ковровый искус
Из тонких, как нервы, изотканный ниток,
Что в левую руку возьмет Иисус.

(А. Васильев)

Васильев, вероятно, говорит здесь не о литературе, а о беллетристике, пленяющей изяществом, красивым обманом, воспевающей страсть. Но как тут быть? Ведь, по мнению Вл. Артемова, «поэзия без страсти потеряет многое» [1, с. 179]. Налицо смешение понятий. Страсть, чаще всего, – привычка к греху, наслаждение им, любовь же – не только отношения полов, это благородное чувство имеет всеобщий характер, мы просто забыли о первоначальном значении этого слова. В древнерусской литературе и русской классике XIX века этика и эстетика всегда были неразрывно связаны, этико-эстетическая целостность художественного произведения была важнейшей приметой единства формы и содержания. Если же говорить не о беллетристике, а о великой традиции русской литературы, проповеднической по своему характеру (Д.С. Лихачев), то она способна помочь человеку на путях постижения истины. Поэтов третьей группы объединяет нечто большее: Православная София – мудрость и полнота религиозного чувства. Различие стилей – не показатель, объединяют их идейно-эстетические и тематические координаты.

Так, священник Андрей Логвинов опровергает неверное представление о смирении:

Идет война, и на войне
Неслыханное к нам вторженье.
А мы как люди – не в цене,
Нас бьют всерьез, на пораженье.

Тогда – не справилась Орда
С высокой духом Русью древней.
Теперь – разорены деревни,
Содомом стали города.

А где ж защитники – князья,
Вожди, герои, полководцы?
У них свой бизнес, им нельзя,
Их закупили инородцы.

И хоть кресты пронзают высь
И купола блестят в столице,
Кто должен день и ночь молиться –
До сладкой жизни дорвались.

Идет война, и на войне
Кругом разгром и пораженье.
Но разве умер Бог во мне?!

Но разве умер Бог во мне?!
Но разве умер Бог во мне!!! –
– Он подымает на сраженье.
(А. Логвинов)

И Поэт связывает воедино духовную борьбу и внешнее действие, борьбу со злом и его носителями.

Наиболее известный и оригинальный поэт третьей группы – иеромонах Роман. Монашеская жизнь для людей, далеких от нее, – либо тайна за семью печатями, либо расхожее убеждение, еще более далекое от подлинного ее содержания. Все ограничивается внешней «картинкой»: высокие монастырские стены, черные одежды, войлочные боты марки «Прощай, молодость!», взгляд «не от мира сего» и… и, пожалуй, все. – Да, еще послушание, смирение и еще раз смирение…

Может быть, поэтому не все поняли и приняли поэзию иеромонаха Романа начала XXI века – смиренный молитвотворец превратился в певца-обличителя пороков и грехов наших.

А ведь монах, прежде всего, – духовный воин. Видно, настал час иного монашеского подвига: воинствующего ревнителя веры, разящего врагов словом правды.

Жизнь будущего отца Романа (в миру Александра Ивановича Матюшина) не предполагала столь резкой смены координат; он родился в 1954 году в селе Рябчевск Трубчевского района Брянской области. «Отец – потомственный крестьянин; мать – учительница, в старости – монахиня Зосима. С 1972 г. иеромонах Роман учился на филологическом факультете Калмыцкого государственного университета, отказался от выпускных экзаменов, работал плотником, рабочим силикатного завода, художественным руководителем во Дворце культуры, учителем музыки в школе. Вехой духовного становления стал 1980, уход в Вильнюсский Свято-Духов монастырь, в 1981 – в Псково-Печерский. Рукоположен в 1983. Служил в приходах Псковской епархии (пос. Кярово, г. Каменец), с 1993 г. удалился в скит Ветрово. Стихи писал с ранних лет, первая публикация – в районной газете. Зов к монашескому уединению прозвучал еще в юности» [10, с. 213].

Отшельничество иеромонаха Романа непостижимым образом соединило его с нами, стихи были услышаны страдающей Россией. Путь от молитвы к исповеди, а от нее – к проповеди и снова к молитве – стал судьбой миллионов православных.

Нераздельность веры и России (Престола Божия) – непреложный закон для иеромонаха Романа:

Любите Родину! Она у нас одна.
В благословенье Господом дана.
У Царственной отнюдь не царский вид,
Но Истину, как некогда хранит.

И пусть себе гогочущие скачут,
Нам Сказано: – Блаженны те, кто плачут.
А значит, есть Надежда и в кручине!
О, Родина! Души моей Святыня!
(29 – 30 сентября 2003 г. скит Ветрово) [19]

Говоря словами Ю. Кузнецова, «мир рухнет в ад», если случится невозможное:

И если вдруг тебя погубят,
То и самим врагам не жить:
Вселенная могилой будет –
Иначе не похоронить. [20]

Отшельник, который сложил множество стихов и песен «для попеченья о запущенной русской душе», как сказал об иеромонахе Романе Валентин Распутин в рассказе «Больница», выслушал в свой адрес немало упреков, но чаще всего этот: «Не монашеское это дело – писать стихи». Ответом всем сомневающимся может стать следующий факт: отец Роман создал свои произведения первой половины 1990-х гг. по благословению Митрополита Иоанна (Ленинградского / Санкт-Петербургского и Ладожского). Книга его стихов «Русский куколь» издана по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II [13]. Молитвенность, «уединенная сосредоточенность, самоуглубленность лирического героя поэзии о. Романа сочетается с активной социальной позицией, например, в гражданских стихах о России, с потребностью в прямом, проповедническом по существу обращении к миру. В этом смысле песнопениям и стихам о. Романа близко то проповедническое начало, которое было коренным свойством отечественной литературы и культуры. Наследуя через века древний жанр духовной проповеди и поучения, поэт-певец творчески использует его, обращаясь к современному человеку» [14]. В январе 2011 года иеромонах Роман опубликовал рассказ «С того света», в котором дал свою оценку событиям на Манежной площади: «Пост подходит к концу, казалось бы, радоваться надо приближающемуся Рождеству. Да вот узнал о декабрьских событиях, и душа закровоточила: то ли страна уже летит в пропасть, то ли в безвыходнейшем тупике. Кругом корыстолюбие, лукавство, обман. С ног до головы покрылись нравственной проказой, да еще, ко всем прочим напастям, ветхозаветный плен. А грозовые тучи все собираются и собираются, готовя народу величайшие потрясения. И по человеческому разумению – нет ни единой возможности выкарабкаться из трясинного тупика. Ни единой! Несколько дней душу постоянно саднило покаянным воплем: – Господи, спаси ны, погибаем! И Господь вразумил! И как же вразумил!.. Нет поражения во Христе!» (Роман (Матюшин) 2011).

Мистическая подоплека всего происходящего с нами была раскрыта иеромонахом в статье «За равноправие!», посвященной холокосту. Ряд изданий, которым батюшка предлагал эту статью, отказались от ее публикации. В Интернете же текст, написанный еще в 2006 году, появился на сайте «Русской народной линии» только в апреле 2010-го [26]. Кстати, в том же 2010 году вышел журнальный вариант, а в 2011 – книга Станислава Куняева «Жрецы и жертвы Холокоста», поразившая многих творческой страстностью, интеллектуальной мощью и ясностью мысли. Публицистическое исследование известного писателя, так же, как и статья иеромонаха Романа, направлено против сионизма – страшного явления в новейшей истории человечества.

Сионизм всех своих обличителей объявляет анти-

семитами, но после книги А. Солженицына «Двести лет вместе» вопрос о русском «антисемитизме» должен быть снят. Невозможно вспомнить ни одного еврейского погрома в России почти за сто лет! Уж как в народе ненавидят Чубайса, а хоть волосок с его головы слетел? Оплеуху получил только Горбачев. Русский, к нашему позору…

Мы живем не в Израиле, а в России. И простые евреи прекрасно понимают, что сильная Россия – их защитница. Однако нашего соплеменника обвинят в расизме и антисемитизме автоматически, сразу – лишь только он рискнет назвать себя русским. И тут никакие ухищрения, никакие уверения и заигрывания не проходят. Уж если Виктору Астафьеву, единственному из великих русских писателей перешедшему в стан «демократов», посмертно припомнили «стойкий антисемитизм» (К. Азадовский), то что уж говорить об остальных.

В этом свете совершенно иной смысл приобретают следующие строки поэта:

Я мечтаю поехать (простите монаху мечтанья)
В необъятную даль по Великой и скорбной стране.
И устрою себе, может быть, напоследок, свиданье
С дорогою Отчизной, что видится пленницей мне. [23]

Монах обязан говорить слово правды, в этом он подражает Самому Иисусу Христу:

И подымался ненавистник лжи,
И шел к царям с великим дерзновеньем,
И говорил – что Бог ему вложил,
И врачевал глаголом отпаденье.
(«Когда народ ступал от Света в тьму…») [23]

«Мы живем в поразительное время: время великих открытий, великого вырождения, великой лжи – в последнее время! – Говорит иеромонах Роман. – Пир у края пропасти захватил всех и вся! Жажда чести, власти, богатства завладела умами и сердцами! Государствами управляют те, кому без грима можно работать в цирке, но клоунада политическая оплачивается больше, и потому шуты с цирковой арены ринулись на арену политическую. Излукавившиеся правдолюбцы, клеймя расизм, без зазрения совести заявляют о «золотом миллиарде», обвиняя фашистов за убийства, поощряют убийства во чреве! Ратуя на словах за здоровье нации, с юных лет навязывают алкоголь, табак, в школах внедряют уроки разврата! Целые народы превращены в телезрителей, фанатов и интернетовских праздношатаек. И стар, и мал кинулись на развлечения! Спорт объявлен национальной идеей!»... [24].

Хвалятся общим домом,
Сами живут с охраной,
Пахнущие Содомом
Поводыри баранов.
(«Люди забыли Бога!») [23].

Православная душа иеромонаха Романа – это одновременно и душа патриота: «Патриотизм – слово святое, ибо этим словом прославляется верность Родине. Измена же осуждена еще в раю» («О богоугодности не нам судить!»). И поэтому его духовная поэзия – в самом высшем смысле поэзия патриотическая:

Вожди живут себе в угоду,
Во власти полный паралич.
Мы перестали быть народом –
И засвистел кавказский бич.

Его старательно сплетали
При одобрении властей.
Уж как на Русь не клеветали
Искариоты всех мастей!

Разбой телесный и духовный!
В верхах измена и обман!
Но словоблудит вождь верховный
О процветанье россиян.

Иван да Марья – недруг знает –
Хребет страны, ее душа!
Когда хребет переломают,
Тогда и ребра сокрушат.

И что? Мостить страну гробами,
Наполнив ненавистью грудь?
Нас подло сталкивают лбами,
Антихристу готовя путь.

Мир подвела к последней грани
Лапсердако́вая напа́сть.
Русь обрекла на вымиранье
Олигархическая власть.
(«На грани») [25]

«*– В чем, на Ваш взгляд, заключается русская национальная идея (идея возрождения нашей многострадальной Родины)?*

– В воцерковлении. Потому что без возрождения души Родина не возродится. Не коттеджи и иномарки принесли славу России, а русская православная душа, собравшая раздробленные земли, создавшая величайшее духовное богатство. А без души любое тело мертво. Как его ни румянь, как ни забрасывай цветами – покойник есть покойник».

(Из беседы редактора «Трубчевской газеты» Натальи Соболевой с иеромонахом Романом) [24].

Современную православную поэзию часто называют «лирикой русского сопротивления». О каком сопротивлении и противодействии идет речь?

– Прежде всего, о сопротивлении потребительскому безумию в ущерб духовности, о разоблачении лжи в условиях информационного вакуума: «Не смиряться перед злом» (Н. Карташева).

Православные поэты понимают свое «служение как пророческое» (Патриарх Кирилл), не имеющее ничего общего с гаданием или предсказанием будущего. Это ощущение, предчувствие, но, как мы знаем из истории литературы, весьма часто сбывающееся в жизни. Поэты прозорливее политиков и философов.

Поэтический анализ национальной трагедии порой излишне эмоционален, но поразительно точен в оценке истинных ее причин: «Нерусские Россией правят…» (Н. Карташева).

Православная поэзия не говорит, а кричит: давний раскол между народом и властью приобрел катастрофический характер. Лирика переполнена предвосхищением национально-освободительной борьбы по возвращению народу власти, собственности и исторической преемственности.

В ней наиболее ярко выражен призыв к действию: «Великомученик-великоросс / И всякий народ! Вставайте», «Сняла кольцо, чтоб ты купил оружье» (Н. Карташева), «Но разве умер Бог во мне!!! / – Он подымает на сраженье» (свящ. А. Логвинов), «Нет поражения во Христе!» (иеромонах Роман).

Все империи рушились от падения нравов, от идолопоклонства и забвения духовных начал. Господь выгнал из храма торгующих и менял (банкиров), а мы наш общий храм – Россию – сделали вертепом разбойников. Уже и Патриарх говорит о «духовной агрессии»… Дело обстоит именно так: сумеем ли мы сохранить свою веру, национальные ценности или погибнем под напором чуждой западной цивилизации?

Сила рождается в немощи. Появится и национальный лидер, только когда созреет само общество, когда атмосфера станет грозовой. Надо искать правду в народе, в церкви, в обычных приходах, скрепляющих собой духовное пространство Руси. «Россия гибнет», – говорят иные, но она не гибнет, она больна. Но эта болезнь – не к смерти.

Литература

1. *Артемов, В.* Диалоги о поэзии / В. Артемов // Наш современник. – 1993. – № 1. – С. 179.

2. *Архангельский, А.* Огнь бо есть. Словесность и церковность: литературный сопромат / А. Архангельский // Новый мир. – 1994. – № 2. – С. 230 – 242.

3. *Буслаев, Ф.* О литературе: Исследования. Статьи / Ф. Беляев. – М., 1990.

4. *Воробьев, С.* Стихотворения / С. Воробьев // Наш современник. – 1993. – № 2. – С. 52.

5. *Всеволод,* инок. Что есть поэзия Православия. Беседа с православной поэтессой Ниной Карташевой / инок Всеволод // Аскетическое творчество. – 2002. – № 2 (165). – URL: http://www.russian-inok.org/page.php?page=ascetic1&dir=ascetic&month=1002

6. *Гордиенко, Н.Н.* Русская поэзия рубежа XX – XXI веков в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.Н. Гордиенко. – М., 2008.

7. *Карташева, Н.* «Мы должны не выживать, а жить!» Письмо в редакцию Русской линии / Н. Карташева // Русская народная линия. – URL: http://www.ruskline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/).

8. *Карташева, Н.* Порфира и Виссон: Лирика / Н. Карташева. – М., 2000.

9. *Карташева, Н.* Слава России!: Стихи / Н. Карташева. – М., 2001.

10. *Корольков, А.А.* «Роман, иеромонах» / А.А. Корольков // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь / под ред. Н.Н. Скатова. – М., 2005. – Т. 3. – С. 213.

11. *Логвинов А.*, свящ. – URL: http://www.ya-zemlyak.ru/ruspoesia.asp?

12. *Матвеева, Н.* Дым отечества / Н. Матвеева // День литературы. – 2010. – 17 ноября. – № 11.

13. *Минералов, Ю.* Имена и тенденции / Ю. Минералов // Литературная Россия. – 2004. – 12 марта. – № 10. – URL: http://www.litrossia.ru/archive/104/reading_room/2430.php

14. *Нечипоров, И.В.* Песенно-поэтическое творчество иеромонаха Романа (Матюшина): духовное содержание и образный строй / И.В. Нечипоров // Слово. Православный образовательный портал. Филология. – URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37281.php? ELEMENT_ID=37281&SHOWALL_2=1

15. «О богоугодности – не нам судить!» Господь дал ему эти слезы. Встреча с иеромонахом Романом (Матюшиным) // Русское воскресение. – URL: http://www.voskres.ru/podvizhniki/roman.htm

16. *Пикач, А.* Бездомные стихи (Поэзия – 90) / А. Пикач // Литературное обозрение. – 1991. – № 2. – С. 19 – 25.

17. *Питирим (Волочков),* епископ Сыктывкарский и Воркутинский. Гражданская проповедь / Питирим (Волочков) // Национальная доктрина. – Сыктывкар, 2006. – № 1. – С. 12 – 14.

18. *Рачков, Н.* Стихотворения / Н. Рачков // День и ночь. – 2010. – № 6. – С. 120.

19. *Роман (Матюшин),* иеромонах. Любите Родину! Новые стихотворения (2000 – 2003 гг.) / Роман (Митюшин) // Русское воскресение. – URL: http://www.voskres.ru/literature/poetry/roman2003.htm

20. *Роман (Матюшин),* иеромонах. Радоваться небу / Роман (Митюшин) // Тихоновский Благовест. Приходской вестник. – 2005. – № 7 (19). – URL: http://www.hram-st.obninsk.ru/arxiv/2005/gaz193.html

21. *Роман (Матюшин),* иеромонах. Пред всеми душа виновата / Роман (Митюшин). – Минск, 2006.

22. *Роман (Матюшин),* иеромонах. И возненавиде земля сидящих на ней (Лев. 18: 25) / Роман (Митюшин) // Русская народная линия. – URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/03/27/i_voznenavide_zemlya_sidyawih_na_nej_lev_18_25/

23. *Роман (Матюшин),* иеромонах. «Все боголепно под луной…» Из сборника «Одинокий путь» / Роман (Митюшин) // Русская народная линия. – URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/04/24/vsyo_bogolepno_pod_lunoj/

24. *Роман (Матюшин),* иеромонах. За равноправие! / Роман (Митюшин) // Русская народная линия. – URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/04/27/za_ravnopravie/

25. *Роман (Матюшин),* иеромонах. Господи, прости жестокость нашу... Новые стихи / Роман (Митюшин) // Русская народная линия. – URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/12/30/gospodi_prosti_zhestokost_nashu/

26. *Роман (Матюшин),* иеромонах. С того света. Рассказ / Роман (Митюшин) // Русская народная линия. – URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2011/01/15/s_togo_sveta/

27. *Шумейко, И.* Уроки русского (беседа с Валентином Григорьевичем Распутиным) / И. Шумейко // Российский писатель. – URL: http://www.rospisatel.ru/shumeiko-rasputin.htm